

18+

Сергей Ланцета

ЧЁРНАЯ ВОДА

наброски печали

Сергей Ланцета

Чёрная Вода. наброски печали

«Издательские решения»

Ланцета С.

Чёрная Вода. наброски печали / С. Ланцета — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744256-9

«Чёрная Вода» — это сборник образов в стихах и прозе, миниатюр и сцен, мелькающих, как искры, коротко и ярко. Они похожи на сны, что почти не помнишь, но послевкусие от которых остаётся надолго. Это наброски печали. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-744256-9

© Ланцета С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Погружение	7
Предисловие	7
Неизвестное звёздное скопление у ядра галактики. Вне времени	8
Воспоминание пропавшего астронавта 74. Земля. Третье тысячелетие	9
Воспоминание пропавшего астронавта 216. Земля. Третье тысячелетие	10
Неизвестное звёздное скопление у ядра галактики. Вне времени	11
Воспоминание астронавта 9. Райская планета	12
Воспоминание 107. Райская планета высшего уровня	13
Воспоминание 77. Последняя райская планета	14
У ядра. Вне времени	15
Воспоминание 92. Планета-фантом	16
Воспоминание 4. Ещё одна планета-фантом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Чёрная Вода

наброски печали

Сергей Ланцета

Чёрная вода —

это разрозненные всплески памяти на глади забвения.

Чёрная вода – это капли последних сил.

Чёрная вода – это океан надежды.

Чёрная вода – это я.

© Сергей Ланцета, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Когда-то я написал роман, который впоследствии сжёг, хотя многие предупреждали меня о том, как опасно жечь книги собственного сочинения. Главная деталь, которую стоит отметить, – книга кончилась словами: «Я шагнул в Чёрную Воду».

И, чёрт возьми, по какому-то злому волшебству я, как автор, а не персонаж, попал в эту самую Чёрную Воду. Что она такое? Я и сам толком не понял. Но всё, что я о ней знаю, – в этой книге.

Погружение

Предисловие

За последние несколько лет в моём блокноте скопилось некоторое количество странных записей, которые на первый взгляд кажутся абсолютно не связанными друг с другом, но и по отдельности непонятно что из себя представляют. Я долго пытался найти ту нить, которой можно было бы их сшить. Я уже почти смирился с тем, что они так и останутся просто отрывками мыслей, вытасканными из пустоты, но что-то потянуло меня перечитать одну из любимых книг детства – «Люди как боги». Так получилось Погружение. Это изящный набросок о путешествии к чему-то далёкому и опасному, красивому и печальному.

Неизвестное звёздное скопление у ядра галактики. Вне времени

Мы все медленно сходим с ума. Полёт к ядру галактики, запланированный как разведывательная операция, превратился в безжалостную войну с невидимым врагом, в которой мы понесли невосполнимые потери и скоро потерпим окончательное поражение. Враг атаковал нас изнутри, мы сами оказались врагом. Время, разорванное в клочья, свойственное пространству в этом пекле, повлекло за собой нарушение психики и падение моральных качеств всего экипажа нашего звездолёта. Люди потеряли друг с другом всякое понимание, открылись старые раны, будущее разверзлось огромной дырой неизбежности. Я спрятался в обсерватории под огромным куполом и, как и все остальные, заболел непреодолимой тягой к воспоминаниям.

Логическая, линейная связь времени оборвалась. Частицы памяти разлетаются в разные стороны, отдаляясь друг от друга на световые тысячелетия, и парят обрывками сами по себе, не принадлежа уже никому, как звёзды в пустоте. Моё сознание, всё слабее держащееся за кнопки и рычаги в рубке корабля, натывается на них и находит покой. Я возвращаюсь домой памятью, сам – умираю в глуши космоса, с разорванным временем, с искривлённым пространством и ещё черт знает какими фокусами этой необъятности.

Воспоминание пропавшего астронавта

74. Земля. Третье тысячелетие

Голубая неболазка с воротом из шерстяных облаков, драповая ночь на плечах, джинс асфальта да жёлтые кеды листьев. Растрёпанные мысли волос. Шелест тени за моими плечами заворачивает дорогу из видимого в тёмное, оставляя позади. Сквозь косую тропинку, глядя на звёзды, вкручиваясь взглядом в редкую желтизну окон, отражаюсь в её стеклянном отсутствии. Иду в магазин. Добродушное, но всё же лицо охранника. Китайские лабиринты прилавков. Беру оранжевый. Нет, не рыжий, нет такого цвета. А именно оранжевый. Оранжевый напоминает мокрого, смывающего память с дня улицы, вечно медленного и громкого, но тоже оранжевого. Этот цвет – последняя заначка лета, перед тем как уснём под белым ватником. Паранойя – это пара Ноя. Состояние, когда думаешь, что пора строить ковчег и сваливать. Но надо взять ещё мороженое и газировку. Каждой твари по паре.

Я вырос среди стариков, самой огромной мечтой которых было умереть во сне. А мои первые родители были настолько несносны, что мне больше ничего не оставалось, как взять новых. Так моим папой стал Кот, а мамой – Ветвистая Змея. Я стал стариком в двадцать с лишним и тоже хотел умереть во сне. Но как только это начало происходить, понял: лучше быть разорванным на части любой болью и тиранией чертей, чем гнить в собственной постели в бесконечной попытке проснуться. Но что-то звало меня обратно. Предметы бросали радужные блики в сетчатку, размывая красотой рассудок, и веки вновь падали... падали...

Краски осени достигли апофеоза, и творец уже чуть было не развёл грязюку на листе города, но вовремя взял в руки стирательную резинку снега. И выпал новый слой воспоминаний. Всё ведь было уже бесконечное количество раз. Мы уже были когда-то на этом самом месте, почти в таком же сюжете, когда первый узор холода растаял на щеке.

Ветер мой, куда несёшь ты эти бесконечные ледяные жизни? В чём резкая игра твоих порывов? Не дотянуться до этого великолепного замысла, которому судьба растаять, но лишь одного стремления к метели свободы хватит на всю беспокойность сердец, ждущих неизбежность весны. Я парю. Реки слёз застывают, лишь слышен чарующий звон хрусталя утренних луж да потрескивает под ногами память. И уже не отличить – грозди багряной рябины свисают с худых ветвей или сердце моё. Мир сворачивается кошачьим уютом клубка, погружаясь на самую глубину этого огромного белого сна. Сна...

Воспоминание пропавшего астронавта

216. Земля. Третье тысячелетие

Утро разбудило меня тишиной после сна, в котором кто-то вывернул volume до отказа. Стоило только глазам впустить свет внутрь шатра, как пришло первое озарение. Оно несло в себе абстрактный характер пробуждения и ясности. Беззвучная молния света, трещина в мыслях.

Второе озарение пришло на фоне первого, почти сразу же, и было похоже на него, но уже не такое резкое, а чуть смазанное, будто уловка на почве устойчивого сомнения в схожести с первым.

Третье запоздало, но извинилось сполна, осыпав градом дробящегося на хрустальные колокольчики льда, а потом стихло, оставив лишь ожидание.

Я взглянул на поле, будто ещё во сне. Всё кутал звенящий мороз, и блеск под ногами дарил эйфорию бензиновых красок.

Что-то должно было вот-вот случиться. И вдруг оно случилось. Я обернулся в сторону леса и увидел плавно парящую в высоте птицу. Просто непостижимым образом она исчезла из виду, а затем появилась с другой стороны и полетела по крутой изящной линии вдоль земли, едва ли не касаясь макушек елей. Я хотел было издать звук, но дыхание перехватило. Я будто упал на месте, и вдруг что-то дёрнуло меня как парашют, и я замедлился. Я понял, что пикирую.

Мои крылья сливались с ветром в контрастную, но слаженную игру.

Неожиданно из-за горизонта, усиливая блеск до невероятной силы, показалось солнце. Вся усталость нового дня обнажилась неприлично. Солнце манило, шептало, обещало вечную силу. Я со скрежетом ринулся прямо в зарево.

Едва я почувствовал жар, как подумал, что, может быть, всё-таки зря доверился солнцу?

Меня толкнули в плечи.

– Эй, пошли. Мало ли ещё сколько птиц будет?

Солнце стало похоже на гаснущий светодиод, а я пытался сообразить, откуда столько тяжести в ногах.

Но каким бы полным и искренним не было моё отчаяние, благодарность за возможность носить чёрные очки меня качала на тёплых волнах морозного кайфа.

Неизвестное звёздное скопление у ядра галактики. Вне времени

Спустя несколько земных лет путешествия мы обнаружили уголок космоса потрясающей красоты. Все единогласно назвали его раем. Первой реакцией на контакт с внеземной цивилизацией была эйфория, за которую мы дорого заплатились впоследствии. Мы посещали райские планеты одну за одной и не замечали, как всё меньше и меньше походим на людей. Мы учились у бестелесных существ, населявших планеты, потрясающим вещам, совершенно позабыв про своё физическое существование, и сильно ослабли за время пребывания в этом странном звёздном скоплении. Впрочем, никто из нас так ни разу и не пожалел о посещении рая, таким он был замечательным. Любой из экипажа бы с радостью умер там, но мы захотели большего.

Воспоминание астронавта 9. Райская планета

Когда я думаю о жизни, я вижу глубокое море, в котором круги на воде соревнуются друг с другом в размере. Между ними образуются ромбы смертей, тоже соревнующиеся в размерах. Я – рябь воды, то плавно расширяющаяся, то сталкивающаяся сама с собой. Я – шум.

Наступает вечер, тишина растёт, гаснут волны дня, шипящие, гудящие, звенящие со всех сторон, дробящие взрывы электричества пылью оседают на бетонных стенах, застревают в батареях и теряются в глубоком сне. Вянет время.

Зреют лепестки света утром, сквозь туманное, стянутое морозом поле. Свежесть, вдох ярче жизни. Стоя на высоте, смотреть краски, размытые по дали, холодными руками держать секунды, как тающий кляксой лёд. Зовёт лес, манит тропа, кусты нашёптывают боковому зрению в уши о камышах в канаве, о жующих снег ботинках. Стучит в сердце дерева дятел. Мост.

Вихри думок завивают облака, в центр купола тянутся щупальца медуз – макушки елей – превращая лучи солнца в бесконечную паутину, запутанную в ветвях, стволах, листьях и иглах. Режет на отрывки память птица острым пением.

Иду, оставляя следы обратного пути.

Взгляды догорающих углей.

Небо.

Воспоминание 107. Райская планета высшего уровня

Глаз пламени на зеркале из воска озером,
разлившимся среди зелени незримых
отпечатков силы,
Раскатом фиолетовым, испуганно за мой
обман внимания прятались цветы с лиловым
проблеском весны.

И страстным пламенем, пересекаясь с холодом
снежинок нитками пронизанных золотых волос
твоих...

Я засмеялся, но затих, потом задумчиво,
и из уверенных порывов глубже в высоту
взлетать, пришёл к отсутствию совсем...

А руки миленько сгнусавились над страхом
собственным же боли опытом нещадно выплаканных перемен...
Остановись оно всё где-нибудь на сине-голубом
да незатейливом с причудой лепесточке
времени спиральки в небе над тобой...

Но памяти космической невыносимые крики
помощи звучали громче в эту ночь сквозь
тишину и тяжесть мыслей плена...
На белой площади бумаги города явились волею
рисунка от семицветья карандашного узоры мира...

Неспешностью случайности наполнилась
красиво убежавшая душа, и слились воедино, закружив картину...
Все цвета... и белым стал круг радуги...
от смеха пустоты внутри меня щелчком в груди вдруг стало
легче...

Воспоминание 77. Последняя райская планета

Там, где свет жётся муравьиными дорожками по шее, и солнца невыносимый шум крошится на мелодии сквозь ветви сосен, мы идём песками, запоминая обратный путь по узорам следов. Кожа липкой вибрирующей волной смывает прикосновения туда, где взгляд утопает в сиреневых мхах и можжевельнике. Бессвязность разбросанных хвойных иголок превращается в геометрические оргазмы.

В этом чарующем нигде мы вверяем свои жизни в руки танца вечного покоя. Ты... ты где-то рядом. Я слышу тебя. Почему ты прячешься? Я слышу, как ты дышишь шелестом ветра, наблюдая за нами... Почему ты не сожжёшь нас сейчас? Это ведь такая малость...

Скажи, чего ты хочешь от нас? Что мне слепить из этой пустоты? Как превратить любовь в копьё, чтобы убить этих чёртовых змей под моими ногами...

Я теряюсь в сумерках... Ты молчишь... Звёзды огромны...

У ядра. Вне времени

Охватившая нас радость, а может быть жадность, сформировала в нашем сознании твёрдое убеждение – чем ближе к ядру, тем лучше. Оно и не странно: улетев с периферии галактики от жёстких физических законов и воинственных человеческих нравов ближе к сердцу бога, как некоторые из нас выражались, мы нашли ангельские условия жизни и, обладая линейным умом, продолжили двигаться в том же направлении. Никому из нас было невдомёк тогда, что у мира нет ни краёв, ни центра, ни низа, ни верха, ни злого, ни доброго, а посещение нами райских планет было лишь счастливой случайностью, вызванной, скорее всего, тем, что мы отправлялись в путешествие как сторонние трезвые наблюдатели, не имевшие желаний. Одурманенные счастьем, мы покинули тот мир и отправились на поиски источника света, как глупые мотыльки. Первые трудности отрезвили нас мгновенно. Мы потеряли шесть из семи звездолётов за две минуты. Они просто рассыпались в пыль без какой-либо понятной нам причины. Было принято решение возвращаться на Землю. И мы благополучно вернулись. И только через несколько лет поняли, что вернулись вовсе не на Землю, а на планету-фантом, планету нижнего уровня, хитроумную ловушку, засасывающую навечно с помощью страстей и исполнения самых низменных и изощрённых желаний, порабощающих человека круговертью привычек. Мы стали рабами этого места, и лишь немногие в итоге решились разорвать порочный круг бессмыслицы и покинуть планету. Горько и смешно, но таких планет мы посетили бесчисленное множество. И все они были так похожи на Землю! Но отличать подделку мы научились почти мгновенно – в аду люди, а точнее черти, не смотрят на небо.

Воспоминание 92. Планета-фантом

Луна на убыль уходит, моя наступает ночь. Забияки уснули, лишь соседский телевизор сопли жует, но меня уже не злит, ведь он, как и я, не спит тоже. Переваривает пищу дня, блюёт знаниями, никому не нужными. Трогаю пальцами кнопки, пишу всё, что хочу, бегу от смыслов. В голову лезут личности, меня раздражающие, разрубая их на части самурайским мечом своего потрясающе острого внимания. Ни одна сука не пролезет в мою тишину. Танцую танец, прохожу сквозь себя, влетаю в звёзды, луна смотрит в своё отражение в моих глазах, что закрытыми видят чуть ли не лучше. Жизнь – что-то тёплое внутри меня – радуется, мурлыкает, растекается сном беспокойным: о прошлом, о страхах, о матери, обо мне самом, о лице, которое бьёшь, а оно, резиновое, смеётся. Оранжевое сердце лампы, стены с обрывками прошлого, спиральные серьги, весь я, от начала и до конца, здесь, темнотой объятый, ничего не жду, цепляюсь за секунды, понимаю, что выздоравливаю от нормальности, знаю, что скоро вернётся дерзость в полной красе, подбросит к небесам и отпустит, дальше сам, либо полечу, либо...

Воспоминание 4. Ещё одна планета-фантом

Изо дня в день я отчаянно пытаюсь вспомнить, что я делаю на этой земле. Кто я? Для чего ветер будит меня по ночам? Глубока ли жажда жизни приходящих в голову мыслей? Что хотят сказать деревья, непреклонно шатаясь? Как зовут актёров из театра теней на стене? Почему в подъезде на каждой квартире справа есть ромбики? – спрашиваю я, даже не зная у кого. Но ответы приходят. Волны правды накатывают на меня, одна за одной, то заставляя, то, наоборот, не давая дышать. Если волны сильны, то на песчаный берег моего ума море выносит пену из слов. Но чаще это спокойный, прозрачный прибой простого понимания отсутствия какой-либо правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.